ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 902
ГРНТИ 03.41
DOI: 10.22204/2587-8956-2019-096-03-167-185

Е.А. РЫБИНА, В.К. СИНГХ,
Л.В. ПОКРОВСКАЯ*

Археологические исследования Людина конца в Новгороде (Троицкий раскоп)

Статья посвящена результатам археологического исследования Людина конца в Новгороде, где работы ведутся с 1973 г. Особое внимание уделено материалам, полученным во время раскопок в 2011–2018 гг.

Ключевые слова: Новгород, Людин конец, Троицкий раскоп, усадьба, хронология, берестяные грамоты, вещевые комплексы

С 1973 г. базовым объектом археологических исследований Новгорода является участок средневекового Людина конца, расположенный к югу от Кремля вблизи сохранившейся церкви св. Троицы, давшей название заложенному здесь раскопу.

Общая площадь Троицкого раскопа к 2019 г. достигла 8200 кв. м с мощностью культурного слоя до 5 м. Полностью исследованная часть (раскопы I–XIV) составляет 7428 кв. м. В 2013 г. к западу от Троицкого раскопа XIII был заложен новый участок, Троицкий XV, площадь которого составила 232 кв. м. В 2015 г. на перекрёстке Троицкой и Редятиной улиц заложен Троицкий раскоп XVI (рис. 1).

С 1995 г. археологические исследования на Троицком раскопе финансировались РГНФ, с 2018 г. — РФФИ. Кроме того, МГУ им. М.В. Ломоносова ежегодно выделяет средства на археологическую практику студентов-историков и их руководителей.

В процессе раскопок исследуемой территории Людина конца было уста-

* **Рыбина Елена Александровна** — доктор исторических наук, профессор кафедры археологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, руководитель проекта «Археологические исследования Людина конца средневекового Новгорода» (18-09-00372а).
E-mail: ear42@list.ru

Сингх Виктор Кашмирович — кандидат исторических наук, руководитель лаборатории истории и археологии средневекового Новгорода исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, исполнитель того же проекта.
E-mail: arxeolog@gmail.com

Покровская Любовь Владимировна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник кафедры археологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, исполнитель того же проекта.
E-mail: pokrovska-ja@yandex.ru

Рис. 1. Ситуационный план Троицкого раскопа

новлено, что освоение этого участка началось в 30-е гг. X в. В его западной части в то время ещё существовали пашни, что подтверждается обнаруженными в предматериковом слое следами распашки. Но уже в слое второй половины X в. на всей раскопанной территории зафиксирована застройка [1].

За прошедшие 45 лет археологического исследования Людина конца здесь были открыты четыре улицы, вскрыты и обследованы 19 усадеб, из которых 8 вошли в площадь раскопа полностью. Особенно важным было обнаружение комплекса усадеб второй половины XII в., принадлежавших боярской семье Мирошкиничей, из среды которой вышли самые известные посадники XII в. Сенсационным стало открытие и исследование в 1977 и 1982 гг. усадьбы и мастерской иконописца и ма-

стера фресковой живописи Олисея Гречина, жившего в конце XII в. [2]. Изучение этой усадьбы — бесценный вклад археологов в историю древнерусского искусства, большей частью анонимного.

В конце XX в. на Троицком раскопе были сделаны важнейшие научные открытия. С 1995 г. работы велись на усадьбе Е (площадь 1400 кв. м), которая оказалась самой большой из всех раскопанных усадеб в Новгороде. На этой усадьбе в слое XII в. (1998 г.) было впервые открыто место заседания «сместного» (совместного) суда князя и посадника и установлено время его организации (не позднее 1126 г.). В 1999 г. на этой же усадьбе в слое XI в. были найдены 38 деревянных пломб для запирания мешков с данью, т.е. государственными доходами. Анализ надписей на пломбах в совокупности с берестяными грамотами и другими находками дал возможность говорить о становлении государственных институтов, о времени ограничения княжеской власти и тем самым — о формировании республиканских институтов власти, отличающих Новгород от других древнерусских центров [3].

Беспрецедентным стало открытие на Троицком раскопе XII в 2000 г. древнейшей датированной славянской книги — «Новгородской псалтири» рубежа X–XI вв. [4]. Книга была написана на навощённых дощечках и служила учебным пособием, по которому учились первые христиане сразу же после крещения Новгорода. Прежде древнейшей датированной славянской книгой считалось Остромирово Евангелие 1050-х гг., а найденная в Троицком раскопе книга на полвека древнее.

За все годы работ (1973–2018 г.) на Троицком раскопе были найдены 474 берестяные грамоты преимущественно XI – первой половины XIII в., содержащие важнейшую информацию по раннему периоду новгородской истории и истории древнерусского языка.

Общее число индивидуальных находок на Троицком раскопе превышает 70 тысяч предметов из разнообразных материалов: железа, цветных металлов, дерева, кожи, кости, стекла, янтаря, камня, глины и др. В составе вещевой коллекции немало уникальных находок: два монетных клада (западноевропейских серебряных монет первой трети XI в. и арабских монет первой трети X в.), печать Ярослава Мудрого (единственный экземпляр), изделия прикладного искусства X–XIV вв., коллекция музыкальных инструментов, в том числе древнейшие гусли «Словиша» XI в., и многое другое.

С 1989 г. краткие отчёты о раскопках в Людином конце ежегодно публикуются в сборниках «Новгород и Новгородская земля. История и археология», а также в «Археологических открытиях». Обзоры важнейших открытий, сделанных во время раскопок Людина конца в 1995–2010 гг., публиковались в «Вестнике РГНФ» [5, 6]. В связи с этим в данной статье основное внимание будет уделено рассмотрению материалов, полученных при раскопках в 2011–2018 гг. В эти годы участки Г и Г-1 Троицкого раскопа XIII были доведены до материка, на заложенном в 2013 г. участке XV последовательно изучались слои с XIV до XII в. включительно. На Троицком раскопе XVI работы ведутся на уровне XIV в.

Троицкие раскопы XIII (участки Г и Г-1) и XV

В границы этих участков вошли усадьба Ж на Троицком раскопе XIII, стык двух усадеб (Ф и Х) и небольшой отрезок Черницыной улицы на раскопе XV. В ходе археологических исследований была изучена динамика усадебного развития с 30-х гг. X до второй половины XIV в., выделены отдельные строительные периоды, определены их хронологические границы, планировочная структура, характерная для каждого из ярусов усадебной застройки, а также синхронные им вещевые комплексы.

Из всех усадеб особый интерес представляет усадьба Ж, ранее частично иссле-

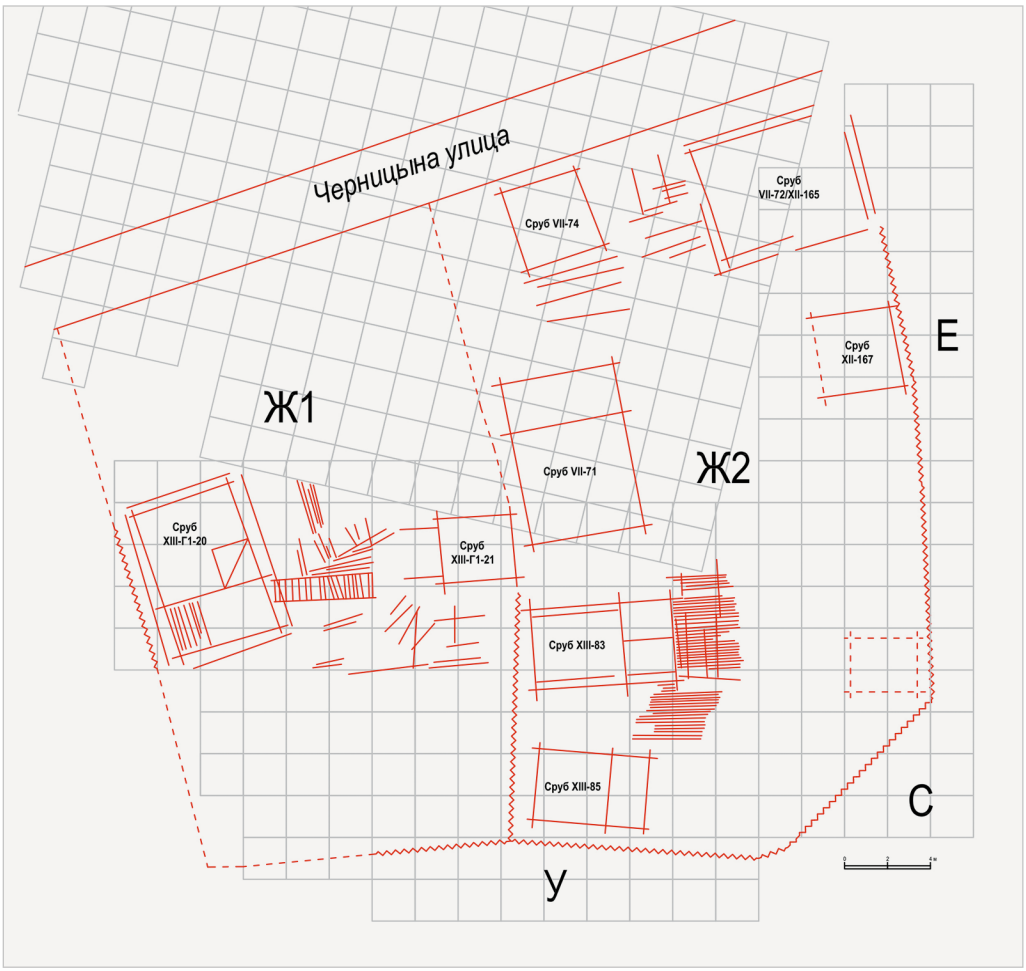

Рис. 2. Схема застройки усадеб Ж1 и Ж2 на рубеже X–XI вв.

дованная на других участках Троицкого раскопа в 1984–1986 гг. и в 2001–2009 гг. В результате работ 2011–2018 гг. её площадь была исследована практически полностью (рис. 2).

Усадьба Ж в X–XI веках

Как показали дендрохронологические даты построек первого яруса застройки, освоение территории усадьбы Ж началось в 30-е гг. X в. В начальный период здесь существовали две усадьбы (Ж1 и Ж2), границы которых фиксируются по следам частокольных оград в материке. На протяжении всего раннего периода на обеих усадьбах преобладают пятистенные срубы, поставленные на фундаментных площадках, в том числе с отдельно прирубленными сенями. Характер застройки и вещевой комплекс X в. свидетельствуют о высоком социальном статусе первопоселенцев.

На рубеже X и XI вв. происходит смена усадебной застройки. В это время южная граница обеих усадеб смещается к югу на 6–8 м и сохраняется до конца XI в. В течение этого века менялись не только внешние границы усадеб. В 10-е гг. XI в. между двумя усадьбами исчезает частокол и усадьба становится единой. В конце 70-х гг. XI в. вновь наблюдается деление усадьбы на два комплекса. Это прослеживается по расположению построек на усадебном дворе, хотя частокол отсутствует.

Для X–XI вв. в застройке усадеб прослежены восемь сменяющих друг друга строительных ярусов, а также несколько горизонтов пожаров, полностью или частично уничтожавших усадебную застройку.

Рис. 3. Находки скандинавского облика. 1–2 — железные амулеты; 3 — привеска в виде рыбьей головы; 4 — крест «скандинавского» типа; 5 — ремённая пряжка; 6 — поясные накладки; 7 — наконечник ножен меча; 8 — фрагмент скорлупообразной фибулы; 9 — оселок-амулет; 10 — навершие роговой булавки; 11 — костяная игральная шашка

Жилая зона локализуется в южной тыльной части усадебных дворов. По периметру усадьбы и вдоль Черницыной улицы располагались хозяйственные и производственные постройки. Центральная часть усадебного пространства, как правило, оставалась свободной от застройки, образуя внутренний двор, замощённый настилами и системой небольших переходов между постройками. В первые десятиле-

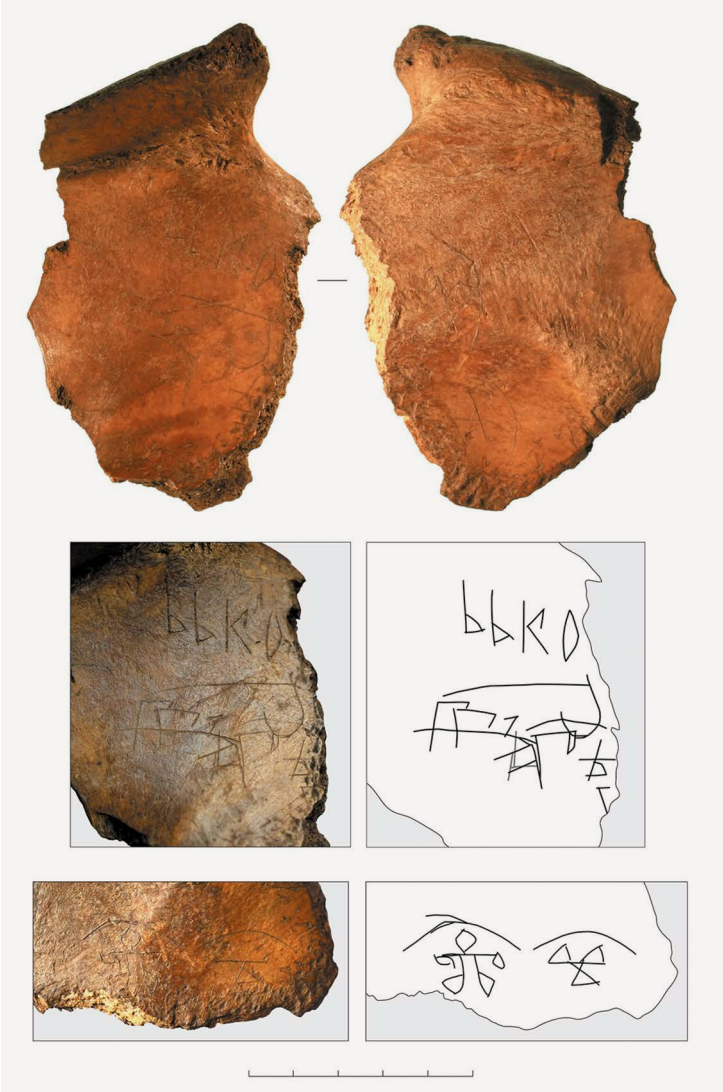

Рис. 4. Фрагмент кости животного с вырезанными на ней кириллическими и глаголическими буквами

тия XI в. в северо-восточной части усадьбы со стороны Черницыной улицы была устроена огромная вымостка длиной 20 м и шириной 6 м, обозначавшая въезд в усадьбу.

Вещевая коллекция, происходящая из слоёв X–XI вв., насчитывает 2300 находок, ассортимент которых необычайно богат и разнообразен. Наряду с обычными бытовыми предметами, характеризующими повседневную жизнь средневековых новгородцев и их занятия, в составе коллекции немало редких и даже уникальных изделий [7].

Особый интерес вызывает комплекс предметов (около 20 экз.) скандинавского облика (рис. 3), обнаруженный в слое второй половины X – начала XI в. В их числе костяная игральная шашка для игры *hnefatafl*, оселок-амулет, серебряный крест с позолотой, подвеска с тремя волютами, единственная в новгородской вещевой коллекции подвеска в форме рыбьей головы[1], поясные накладки в стиле Боре, пряжка с накладными деталями, фрагменты скорлупообразной фибулы и ножен меча. К этому же комплексу относятся также железный ключ с омеднением и шило (?) с массивной орнаментированной рукоятью. Все перечисленные изделия характерны для материковой Швеции и Готланда. Кроме того, аналогии многим из них обнаружены при раскопках в Старой Ладоге, Гнёздове и др. Количество скандинавских предметов на усадьбе Ж поражает. За все годы раскопок в Новгороде было обнаружено не более 20 отдельных скандинавских предметов, происходящих в основном с двух самых больших раскопов: Неревского (5 экз.) и Троицкого (13 экз.) [8].

Значительную группу находок составляют свидетельства денежного обращения и торговли. В слое X в. найдены дирхемы (14 экз.), милиарисий (редкая византийская монета) чеканки 931–944 гг., детали складных весов (4 экз.) и гирьки-разновесы (12 экз.). Концентрация единичных скандинавских изделий или их фрагментов на усадьбе Ж в совокупности с обилием гирек и деталей весов свидетельствует о том, что первопоселенцы, обосновавшиеся в этой части Людина конца, были вовлечены в международную торговлю Новгорода, когда его

[1] Благодарим Н.В. Ениосову за атрибуцию этого предмета и ссылку на аналогии.

основными контрагентами являлись Норвегия, Швеция и Готланд.

Большой интерес для денежного обращения представляют также западноевропейские денарии XI в. (8 экз.) чеканки различных городов и правителей Саксонии и Фризии[1]. Большинство монет изготовлено из низкопробного серебра или меди, что свидетельствует о «засорении» денежного обращения XI в. в Новгороде фальшивыми монетами.

О грамотности жителей при отсутствии берестяных грамот свидетельствуют два писала, книжные застёжки. Кроме того, особый интерес представляет найденный в слое второй половины XI в. обломок тазовой кости животного, на одной стороне которой тщательно вырезаны кириллические буквы — Ь, К, О, на другой — две глаголические буквы (М и И) под титлами [9] (рис. 4). Это первая находка глаголической надписи, происходящая из раскопок Новгорода.

К числу редких предметов относятся цельный комплект удил с инкрустированными псалиями, лука седла, навершия детских игрушечных мечей, которые были точными копиями боевых мечей. Уникальной находкой является деревянный футляр на лезвие боевого топора (рис. 5) [10].

В слое конца XI в. на территории усадьбы обнаружены два деревянных замка-цилиндра, использовавшихся для запечатывания мешков с данью, на одном их которых вырезан знак — трикветра.

Уникальной является массивная деревянная конструкция (рис. 6), происходящая из слоя второй половины XI в., не имеющая аналогий в археологическом материале. На основании этнографических данных А.М. Гринёв атрибутировал эту конструкцию как деталь повозки.

Все перечисленные находки из слоёв X–XI вв. свидетельствуют о высоком социальном статусе владельцев этой усадьбы на протяжении длительного времени.

Рис. 5. Деревянный футляр на лезвие боевого топора

Усадьба Ж в XII – начале XIII в.

Отличительной чертой этого периода является высокая концентрация берестяных грамот (более 100 экз.). Характер застройки и содержание берестяных грамот дают основание выделить в указанное время условно два строительных периода: первая половина XII в. и вторая половина XII – начало XIII в.

I период (1110-е – 1150 гг.). В первые десятилетия XII в. усадебная застройка сформировалась после пожара, уничтожившего все предшествующие строения на этой территории. К этому времени уже

[1] Благодарим П.Г. Гайдукова за определение монет.

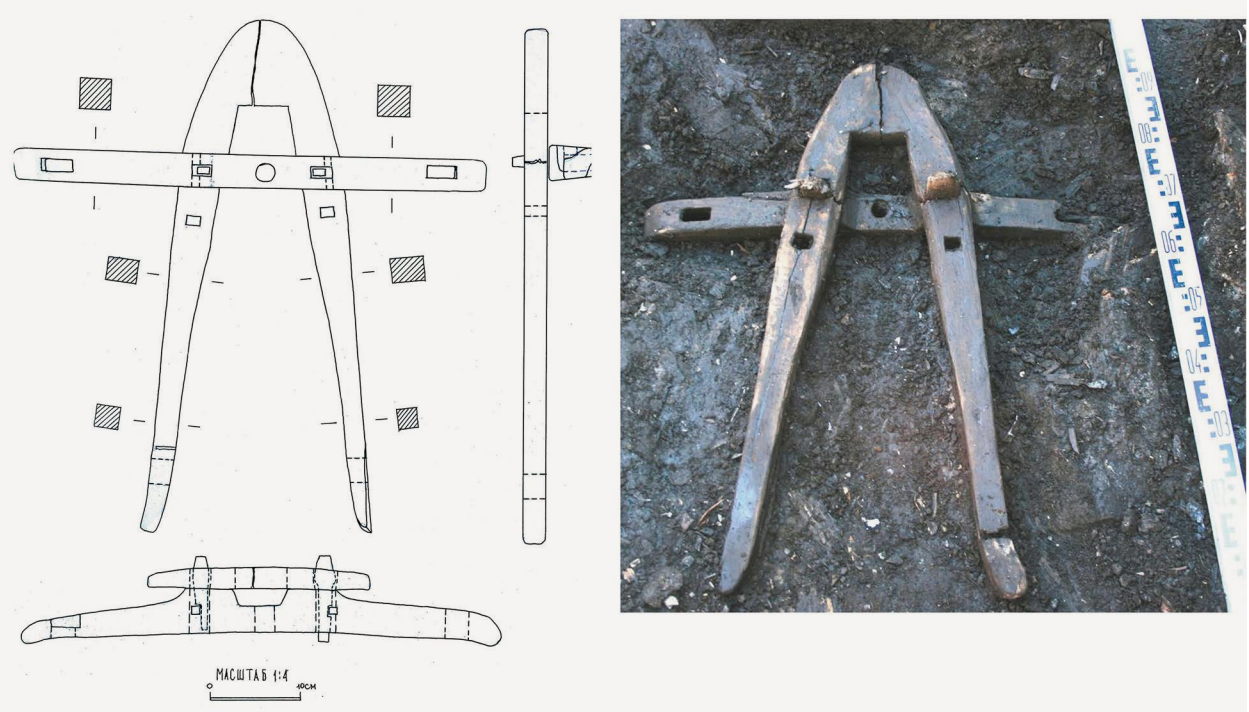

Рис. 6. Деревянная конструкция — деталь повозки (?)

сложилась традиционная планировка двора, при которой основное жилое здание располагалось вдоль центральной части тыльной границы усадьбы. Оно представляло собой большой сруб-пятистенок размерами 8,5 × 6,0 м. С севера к сеням сруба примыкала столбовая галерея, к которой подходила вымостка. Очевидно, она служила и въездом на усадьбу, приводящим непосредственно к центральной постройке. Кроме того, на территории усадьбы располагалось несколько сооружений хозяйственного назначения.

Во второй четверти XII в. формируется новый ярус усадебной застройки, но планировка в целом сохраняется. Это по-прежнему массивный сруб-пятистенок размерами 11,2 × 8,3 м. В жилой части сруба был зафиксирован мощный развал каменной печи. С севера к сеням примыкала столбовая галерея, аналогичная сооружению предыдущего яруса.

К этому периоду относятся грамоты № 1045–1050, в которых пересекаются имена авторов, адресатов и персонажей: Лука, Сновид, Домка, Уйца [11, с. 142–151]. Лука и Сновид хорошо известны по находкам 2010 г., когда была найдена переписка складников, т.е. купцов, совместно ведущих торговлю. В грамотах № 1045–1050 также обсуждаются торговые дела, денежные расчёты и проблемы возвращения долга. Особый интерес представляет целое письмо Луки (№ 1045) (рис. 7), который уже известен как автор пяти писем к отцу. В данном случае Лука со своим компаньоном Микулой сообщает Сновиду о безрезультатной поездке на север за пушниной: «От Луки и от Микулы к Сновиду. Мы (двое) не купили ничего: заволочская белка (беличья пушнина) — 8 гривен. А ты дай нам (двоим) какую-нибудь весть поскорее. Мы бы уже были дома, да распутица. И приветствую вас. Домке отдайте денег (добавлено над строкой: 14 кун) из семи гривен для Саввы Гюровича» [11, с. 142–144]. Упомянутый в этой грамоте Домка также участвовал в переписке со Сновидом (грамота № 1047): «От Домки к Сновиду. Спроси Уйца, тут ли мой должник. Если он тут, возьми с него две гривны. Если его тут нет, то так мне и дай знать (т.е. сообщи об этом)». Этот Уйца был автором гра-

моты № 1046, от которой, к сожалению, остались лишь обрывки, не дающие связного текста. Вероятно, Уйца был членом той же группы складников, что и Лука, Сновид, Микула, Домка.

В самых ранних грамотах этого периода (№ 1049, 1050) упоминается некий Словято, который также занят покупками и денежными расчётами. В целой и хорошо сохранившейся грамоте № 1050 речь идёт о взимании долга посредством вызова отрока (судебного исполнителя). Поражает, насколько в столь раннее время было развито правовое сознание. Документ датируется рубежом XI–XII вв.

Занятие жителей усадьбы торговлей отразились не только в берестяных грамотах, но и в находках. Из слоя первой половины XII в. происходит 91 товарная пломба с изображениями различных святых, крестов, в том числе и процветших, а также разнообразных знаков. Такими пломбами опечатывались связки шкурок пушных зверей, поступающих в Новгород из восточных и северных районов Новгородской земли. Это является дополнительным подтверждением того, что торговля пушниной была одной из статей доходов жителей усадьбы.

Всего в слое этого периода найдено около 2000 предметов, характеризующих ремесло, материальную культуру, быт и мировоззрение жителей усадьбы. Важное значение для определения их социального статуса имеют найденные в этот период печати, пломбы для мешков с данью и другие находки. В слое начала XII в. были найдены четыре печати, две из которых содержат изображение процветшего креста на одной стороне и святого — на другой. Одна печать принадлежала князю Всеволоду Мстиславовичу (1117–1131 гг.). Здесь же была обнаружена деревянная пломба с надписью «Иване» (рис. 8).

Заслуживает внимания костяная бита для игры в бабки со знаком Рюриковичей. К числу редких относятся и стеклянные сосуды с росписью, обломки которых найдены на усадьбе в большом количестве.

II период (1150–1190-е гг.). В этот период планиграфическая ситуация на данной территории заметно меняется. Граница усадьбы Ж сдвигается к западу на значительное расстояние, занимая практически всю усадьбу Ф, что прослежено по забутовке частокола. В слоях этого периода на Троицком раскопе вскрыты остатки большого пятистенного сруба. В основном помещении расчищены остатки отопительного устройства, расположенного в центре. Как и в предыдущих ярусах, основное жилое помещение располагалось в центре тыльной части усадебного двора (рис. 9). Сооружение представляло собой большой сруб-пятистенок размерами 10 × 8,5 м, рубленный из брёвен диаметром 30–35 см. С севера к сеням дома примыкала галерея на столбовой основе. Края галереи оформлены двумя рядами мощных столбов. С запада, севера и востока к галерее подходили три крыльца (настила). За время существования дома (40 лет) подходы к нему перестраивались дважды.

К западу от усадьбы Ж вскрыты два яруса хлебной, дворовой, печи, примыкавшей к Черницыной улице и отделённой от усадебных дворов частоколами.

Рис. 7. Берестяная грамота № 1045

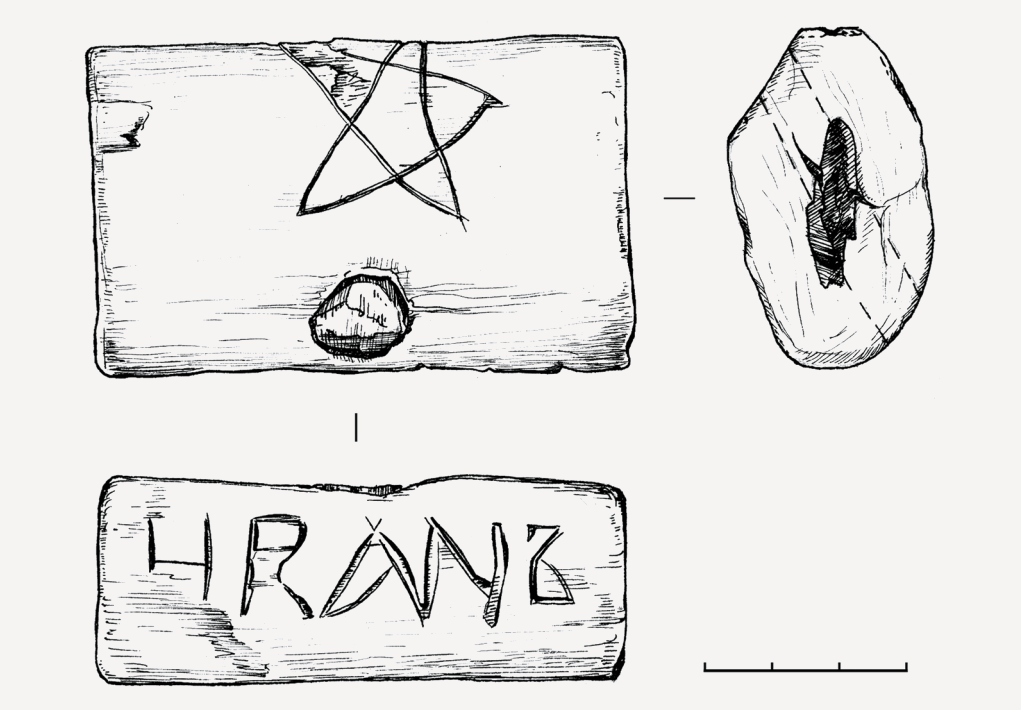

Рис. 8. Деревянная пломба с надписью «ИВАНЕ»

В рассматриваемый период на раскопах Троицкий III (участки Г и Г1) и XV были обнаружены 36 берестяных грамот, половина которых написана Якимом, хорошо известным нам по находкам 2010 г. (рис. 10). Всего ему принадлежат 38 текстов на бересте, среди авторов берестяных грамот Яким является самым пишущим новгородцем. Подавляющее число его грамот — это деловые записи, среди которых почти нет частных писем с адресной формулой. По содержанию записей становится очевидно, что Яким был управляющим крупным боярским хозяйством. Он вёл записи об оплате пушнины (№ 1021), о количестве зерна и семян (№ 1023, 1024, 1029/980, 1037), о поставке соли и т.д. [11, с. 120–137].

Большой интерес представляет грамота № 1021, в которой указана огромная сумма, уплаченная двумя феодалами за три тысячи сто беличьих шкурок. Один из них заплатил 45 гривен и две ногаты, другой — 44 гривны и пять с половиной кун, из чего следует, что одна беличья шкурка стоила около 0,7 куны. По мнению А.А.Гиппиуса, речь идёт о двух боярах — сыновьях знаменитого посадника конца XII в. Мирошки Нездинича, у которых Яким, очевидно, был управляющим [11, с. 119]. В грамоте № 1023, содержащей перечисление различного зерна и семян, поражает количество ячменя в 500 мер. К сожалению, объём этой меры нам пока неизвестен.

Особую категорию грамот Якима составляют короткие однострочные записки, очевидно ярлыки (всего 5 экз.). В основном в них указывается стоимость различных предметов. Любопытны две записки, не содержащие упоминания конкретного предмета или товара. В одной из них сказано: «А сь либскье», т.е., что это ливский, очевидно, товар. В другой указана только стоимость: «А сь по 2 куонь». Видимо, это был ценник, прикреплённый к какому-то товару.

Несомненно, что наряду с добыванием пушнины и сбором податей одним из основных занятий жителей этой усадьбы продолжала оставаться торговля. Яким — не только автор многочисленных текстов, но и адресат грамоты № 1100, автор которой Рощёна поручает Якиму ку-

пить шубу и четыре воротника из паволоки (драгоценная ткань). Судя по всему, Рощёна — жена того самого боярина, у которого служит Яким. Видимо, она находится за пределами Новгорода в боярском поместье, оттуда и посылает Якиму письмо.

Кроме грамот Якима были найдены деловые письма о возвращении долгов других авторов (№ 1020, 1031), заговор от лихорадки («трясавице») (№ 1022) и др.

Ассортимент находок, происходящих из слоя второй половины XII в., богат и разнообразен. Многие находки являются индикаторами высокого социального статуса владельцев усадьбы Ж в это время. Прежде всего к их числу относится бирка из можжевельника с надписью «УСТЬЕ ЕМЬЦИ» [12, с. 18, рис. 2] (рис. 11). В прежние годы на Троицком раскопе были найдены две подобные бирки с надписями «МЕСТУЙ» и «УСТЬЕ ВА...» (очевидно «устье Ваги») [13, с. 85]. Видимо, как и деревянные пломбы в виде цилиндров, они привешивались к мешкам с данью, указывая на место её сбора.

Среди находок, характеризующих высокий социальный статус владельцев этой усадьбы, — византийская печать с греческой надписью, золотое трёхбусинное височное кольцо, янтарный крест с серебряными наконечниками, большое число обломков импортных стеклянных сосудов, многочисленные фрагменты амфор. Заметно увеличилась коллекция свинцовых товарных пломб (46 экз.) для опечатывания пушных шкурок.

Отметим также редчайшую находку целой бронзовой кадильницы, фрагмент деревянной церы с остатками воска, по размерам полностью аналогичной знаменитой Новгородской псалтыри, состоящей из трёх подобных табличек.

Всего же на усадьбе Ж в слоях XII в. было найдено свыше пяти тысяч индивидуальных находок. Разнообразие бытовых предметов, хорошо известных по другим новгородским раскопам, наглядно иллюстрирует жизнь и быт средневековых новгородцев в XII в. Высокое социальное положение владельцев усадьбы характе-

Рис. 9. Основная жилая постройка усадьбы Ж во второй половине XII в.

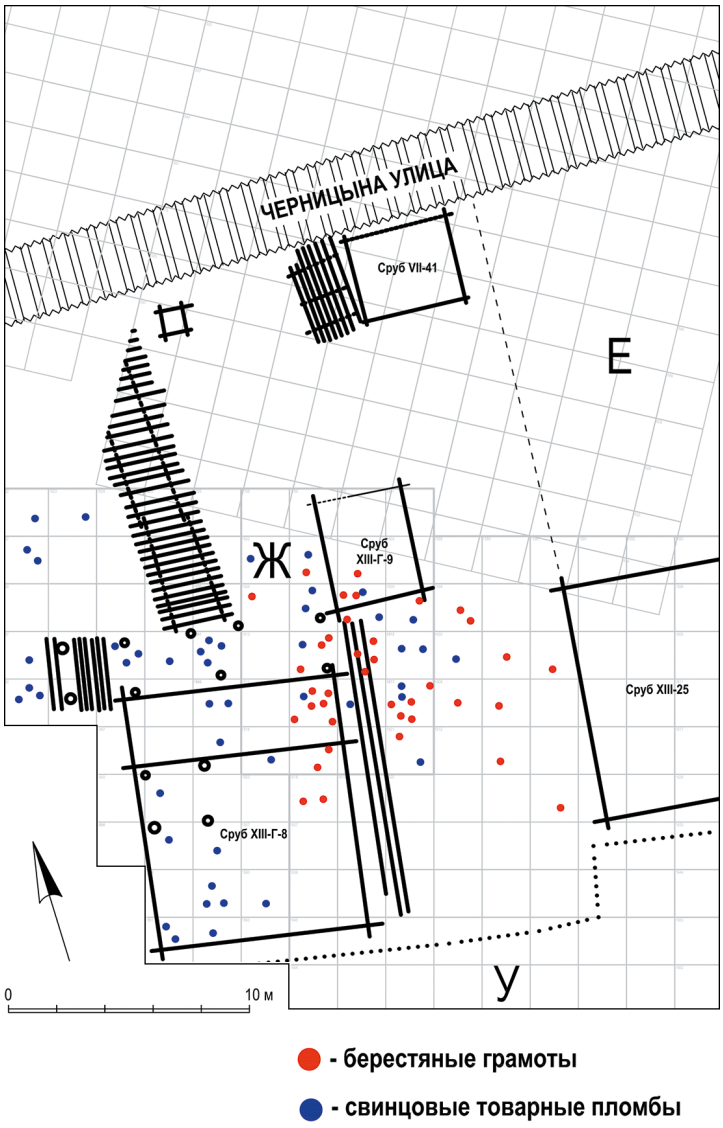

Рис. 10. План усадьбы Ж во второй половине XII в. с распределением берестяных грамот и свинцовых товарных пломб

ризует не только большое число найденных здесь берестяных грамот, но и коллекция статусных вещей.

Усадьба Ж в XIII–XIV вв.

На рубеже XII–XIII вв. площадь усадьбы сокращается, резко меняются характер застройки и состав находок, что, очевидно, обусловлено сменой владельца усадьбы Ж и её перепланировкой ещё до пожара 1207 г., который связывается с разгромом усадеб семейства Мирошкиничей.

В застройке XIII и XIV вв. в основном преобладают небольшие четырёхстенные срубы. По сравнению с XII в. происходит существенное обеднение вещевого комплекса. В основном преобладают бытовые вещи, характерные для большинства новгородских усадеб: железные замки и ключи, инструменты, ювелирные украшения, каменные грузила и оселки, двусторонние гребни, деревянная посуда, чекмари, детали саней, кожаной обуви и т.д. Самой массовой категорией находок являются стеклянные браслеты, которые надёжно датируют эти напластования. Из ювелирных украшений отметим находку редких в новгородской вещевой коллекции двух карельских скорлупообразных фибул, сильная затёртость орнамента которых свидетельствуют об их длительном использовании.

Разнообразие изделий из цветных металлов и их количество на сравнительно небольшой площади исследованного участка, вероятно, связано с наличием на усадьбе ювелирного производства. Об этом также свидетельствуют многочисленные фрагменты тиглей, выплески цветного металла, литейная форма и разнообразное сырьё.

Другой производственный комплекс связан с косторезным ремеслом, который фиксируется по скоплению опиленных рогов лося и оленя. Здесь же найдены и двусторонние гребни, которые, вероятно, могли изготавливаться в данной мастерской.

Застройка других усадебных комплексов в XIII–XIV вв. также представлена небольшими однокамерными срубами, расположенными преимущественно вдоль мостовой улицы. Среди них хлебная (дворовая) печь. Прослежено несколько ярусов въездов на усадьбы. Открыт ряд срубов, сохранивших отопительное устройство и, по всей видимости, являвшихся жилыми.

Рис. 11. Деревянная бирка с надписью «УСТЬЕ ЕМЬЦИ»

В этих слоях обнаружены предметы, характеризующие повседневность жителей усадеб. В составе коллекции — бытовые изделия, универсальные инструменты, детали замков, ключи, небольшое число украшений и детали обуви. К редким для Новгорода изделиям относится полая птицевидная привеска с гребешком на голове и подвесками лапчатой формы, прикреплёнными к тулову. Подобные привески и подвески в виде утиных лапок характерны для круга финно-угорских древностей.

Троицкий раскоп XVI

Работы на Троицком раскопе XVI были начаты в 2015 г. (площадь — 540 кв. м). Он расположен напротив церкви Святой Троицы и отделён от основной части Троицкого раскопа Редятиной улицей (рис. 12).

На площади раскопа изучается городская усадьба, расположенная на перекрёстке средневековых Редятиной и Пробойной улиц. В южной части раскопа прослежена небольшая часть ещё одной усадьбы, выходящей на перекрёсток Воздвиженской и Пробойной улиц.

За время исследований на раскопе изучены около 40 построек различного назначения. Помимо построек средневекового времени на раскопе фиксируются остатки сооружений более поздних эпох. К ним относятся заглублённые фундаменты домов XIX – начала XX в., погреб и водоотводные системы XVIII–XIX вв. Кроме того, прослежено несколько бочек XVI–XVII вв., использовавшихся в качестве водосборников.

В настоящее время работы на раскопе ведутся в слоях XIV в. Для этого времени характерны срубы четырёхстенной конструкции. Основная застройка сосредоточена по периметру усадебного двора: в южной части располагаются два жилых сруба, к которым со стороны Редятиной улицы ведёт настил длиной 20 м и шириной 6 м. Вдоль западной границы усадьбы в ряд расположены небольшие постройки хозяйственного и производственного назначения. Большинство сооружений пострадало в результате пожаров.

Берестяные грамоты

Всего на Троицком раскопе XVI были найдены пять грамот (№ 1065, 1085, 1086, 1092, 1111). И хотя все они обнаружены в обрывках, каждая из них несёт определённую информацию. Первой после снятия насыпного слоя на одном из участков раскопа, где обнаружился средневековый слой второй половины XIV – начала XV в., была найдена грамота № 1065. Она состоит из трёх обрывков, содержащих важную информацию о социальном статусе владельца усадьбы. Автор грамоты обращается к господину с просьбой «посадить» его, т.е. дать участок земли в Луках (ныне Великие Луки). Следовательно, владелец усадьбы был богатым новгородским боярином,

Рис. 12. Общий вид Троицкого раскопа XVI на уровне XIV в.

крупным землевладельцем, который выделял своим крестьянам участки земли для прокорма и сбора с него оброка.

Остальные грамоты найдены в слое XIV в. Грамота № 1085 обнаружена среди многочисленных обрезанных фрагментов бересты, на одном из которых было написано «покушаю». Однако никакого отношения к процессу еды это слово не имеет. Оно обозначало «пробовать», что зафиксировано в некоторых письменных источниках [14]. Следовательно, это целый документ, автор которого написал *пробую*.

Составленная из двух обрывков грамота № 1086 содержит просьбу прислать пшеницу для устройства *толоки*. Этот термин, обозначающий коллективную работу всего села в помощь своему односельчанину в течение одного дня, впервые встречен в берестяной переписке.

Интересный текст содержался в грамоте № 1092, судя по её сохранившемуся левому краю. По уцелевшим фразам с большой долей вероятности можно предполагать, что речь идёт об охоте на соболя и, возможно, на куницу. В последней строчке мелкими буквами написано: *князь Конст*(антин). Согласно датировке грамоты (первая половина XIV в.), это мог быть только тверской князь Константин Михайлович. Отметим, что упоминание имени князя в грамотах встречается чрезвычайно редко.

Рис. 13. Свинцовая печать новгородского посадника Ивана Фёдоровича Смятанки

Находки

Высокий социальный статут владельцев усадьбы подчёркивают также находки вислых свинцовых печатей: печать новгородского Совета Господ с изображением зверя и надписью «Печать Великого Новгорода», половинка печати новгородского тиуна, анонимная печать владычных наместников новгородского архиепископа с изображением Богоматери и креста сложной формы. Также найдена одна заготовка печати. Не вызывает сомнений атрибуция ещё одной печати, принадлежавшей новгородскому тысяцкому Есифу Фалеевичу. Он неоднократно упоминается в Новгородской первой летописи сначала как тысяцкий (1388 и 1391 гг.) [15]. До сих пор его печати ни в ранге тысяцкого, ни в ранге посадника не были известны.

Отдельно стоит сказать о трёх печатях без обозначения должности, с именем Фёдора Оксентиева и изображением св. Фёдора в рост. Прежде печати с таким именем не встречались, и в письменных источниках этот персонаж пока не обнаружен [16].

Большой интерес представляет находка единственной в сфрагистической коллекции Новгорода печати посадника Ивана Фёдоровича (рис. 13), имя которого содержится в Списках посадников (А — Иван Смятанка — 63 и Б — Иван Фёдорович — 68) и связано с возникновени-

Рис. 14. Деревянная разъёмная форма для изготовления кирпичей

ем коллективного посадничества в 1354 г. Прежде чем стать посадником, Иван Фёдорович Смятанка в 1350 г. был тысяцким и возглавлял поход на Выборг. Известны две его печати в должности тысяцкого, на одной стороне которых находится изображение св. Иоанна Предтечи в полный рост, со свитком в правой руке. На другой стороне имеется четырёхстрочная надпись: *печать Евана тыс... ко* [17, № 595б, 595в]. Для посадничьей печати Ивана Фёдоровича изображение св. Иоанна Предтечи было оттиснуто с помощью матрицы печати тысяцкого (№ 595б), а надпись «ИВАНОВА ПЕЧАТЬ ПОСАДНИКА НОВГОРОЧЬКОГО» — ранее неизвестной матрицей.

В самом начале археологических исследований на раскопе был обнаружен интереснейший комплекс, характеризующий литейное производство. Он представлен скоплением обломков больших глиняных тиглей, характерных для второй половины XIV – первой половины XV в. [18, с. 251–253]. В каждом из таких сосудов можно было расплавить несколько килограммов цветных металлов. Здесь же найдены крупные фрагменты обмазки тигельной печи. По всей видимости, в конце XIV в. жители этой усадьбы занимались литейным делом.

Предметы, связанные со снаряжением коня и всадника, представлены удилами, двумя шпорами, подковой, накладкой для конской упряжи.

На усадьбе обнаружены фигуры, по меньшей мере, двух шахматных наборов — из кости и дерева. Среди них — фигуры короля (окрашена красной краской), коня, ладьи, пешки.

Интерес представляет находка деревянной оправы зеркала с остатками металлического зеркала и клея, на который оно крепилось. Неподалёку от него обнаружен кожаный футляр округлой формы, вероятно предназначенный для зеркала.

Сенсацией полевого сезона 2018 г. стала находка деревянной формы для изготовления кирпичей (рис. 14). В настоящее время археологические исследования древнерусских архитектурных памятников и печей для обжига кирпичей, а также сопоставление данных археологии с письменными и этнографическими источниками дают довольно полное представление о кирпичном производстве Древней Руси. Тем не менее до сих пор формы для изготовления кирпичей не были известны. Изучение системы формовки древнерусских кирпичей основывалось только на исследовании сохранившихся на них следов. Находка де-

ревянной разъёмной формы для изготовления кирпичей на Троицком раскопе XVI подтвердила предположение о том, что глина набивалась в деревянную форму-рамку без дна.

Кроме формовочной рамки на Троицком раскопе XVI не выявлено следов кирпичного производства, которое должно было бы сопровождаться большим скоплением глины и кирпичей, а также наличием печи для их обжига. Вместе с тем напротив раскопа находится церковь св.Троицы, построенная в 1365 г. Не исключено, что поблизости от неё было организовано изготовление кирпичей.

Археологические исследования на Троицком раскопе являются неисчерпаемым источником информации о разных сторонах жизни и быта средневековых новгородцев, и их изучение ещё далеко до завершения. В кратком обзоре отмечены лишь наиболее значительные открытия последнего десятилетия, которые демонстрируют высокий потенциал новгородского культурного слоя для изучения древнерусской истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александровский А.Л., Гайдуков П.Г., Кренке Н.А. Исследования древнейшего культурного слоя и погребённой почвы на Троицком XI раскопе в Новгороде в 1998 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 13. Новгород, 1999. С. 358–366.
2. Колчин Б.А., Хорошев А.С., Янин В.Л. Усадьба новгородского художника XII в. М.: Наука, 1981.
3. Янин В.Л. У истоков новгородской государственности. Великий Новгород: Издательско-полиграфический центр НовГУ, 2001.
4. Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородская псалтырь начала XI в. — древнейшая книга Руси (Новгород, 2000 г.) // Вестник РГНФ. 2001. № 1. С. 153–164.
5. Хорошев А.С., Рыбина Е.А., Гайдуков П.Г., Сорокин А.Н. Новые археологические исследования Людина конца в Новгороде (1995–1998 гг.) // Вестник РГНФ. 1999. № 3. С. 121–132.
6. Янин В.Л., Рыбина Е.А., Покровская Л.В., Сорокин А.Н., Степанов А.М., Сингх В.К. Археологические исследования Людина конца в Новгороде в 2001–2010 гг. // Вестник РГНФ. 2010. № 4. С. 115–128.
7. Янин В.Л., Рыбина Е.А., Покровская Л.В., Сингх В.К., Степанов А.М. Тянина Е.А. Работы в Людином конце Великого Новгорода в 2014 г. (Троицкие раскопы: XIII-Г, Г1 и XV) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 29. Великий Новгород: Новгородский музей-заповедник, 2015. С. 51–65.
8. Рыбина Е.А., Хвощинская Н.В. Ещё раз о скандинавских находках из раскопок Новгорода // Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Е.Н. Носова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 66–78.
9. Михеев С.М., Сингх В.К. Глаголические и кириллические буквы на кости второй половины XI в. из Новгорода // Российская археология. 2016. № 1. С. 99–105.
10. Каинов С.Ю., Сингх В.К. Деревянный чехол топора с Троицкого раскопа // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 30. Великий Новгород: Новгородский музей-заповедник, 2016. С. 196–203.
11. Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.). Т. XII. М.: Языки славянской культуры, 2015.
12. Янин В.Л., Рыбина Е.А., Покровская Л.В., Сингх В.К., Степанов А.М. Тянина Е.А. Работы в Людином конце Великого Новгорода в 2017 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 32. Великий Новгород: Новгородский музей-заповедник, 2019. С. 17–27.
13. Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М.: Наука, 1986.

14. Гиппиус А.А., Зализняк А.А., Торопова Е.В. Берестяные грамоты из раскопок 2016 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания. 2017. № 4. С. 7–24.
15. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950.
16. Рыбина Е.А. О печатях Фёдора Оксентьева // Российская археология. 2018. № 4. С. 161–166.
17. Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. III. М.: Интрада, 1998.
18. Ениосова Н.В., Ререн Т. Плавильные сосуды новгородских ювелиров // Новгородские археологические чтения — 3: Материалы Международной конференции «Археология средневекового города. К 75-летию археологического изучения Новгорода». Великий Новгород: Новгородский музей-заповедник, 2011. С. 243–254.

ENGLISH

Archaeological Study of Lyudin End in Novgorod (Troitsky Site)

Elena Aleksandrovna Rybina — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Archeology, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, supervisor of the project "Archaeological Study of Lyudin End in Medieval Novgorod" (18-09-00372a).
E-mail: ear42@list.ru

Viktor Kashmirovich Singh — PhD in History, Head of the Laboratory of history and archeology of Medieval Novgorod, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, researcher in the same project.
E-mail: arxeolog@gmail.com

Lyubov Vladimirovna Pokrovskaya — PhD in History, Principal Researcher, Department of Archeology, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, researcher in the same project.
E-mail: pokrovska-ja@yandex.ru

The article focuses on the findings of the archaeological study of Lyudin End in Novgorod started back in 1973. Particular attention is paid to the materials obtained during the excavations in 2011–2018.

Keywords: Novgorod, Lyudin End, Troitsky site, estate, timeline, birch bark manuscripts, artefacts

REFERENCES

1. Aleksandrovskiy A.L., Gaydukov P.G., Krenke N.A. Issledovaniya drevneyshego kul'turnogo sloya i pogrebyonnoy pochvy na Troitskom XI raskope v Novgorode v 1998 g. // Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya. Vyp. 13. Novgorod, 1999. S. 358–366 (in Russian).
2. Kolchin B.A., Khoroshev A.S., Yanin V.L. Usad'ba novgorodskogo khudozhnika XII v. M.: Nauka, 1981 (in Russian).
3. Yanin V.L. U istokov novgorodskoy gosudarstvennosti. Velikiy Novgorod: Izdatel'sko-poligraficheskiy tsentr NovGU, 2001 (in Russian).
4. Yanin V.L., Zaliznyak A.A. Novgorodskaya psaltyr' nachala XI v. — drevneyshaya kniga Rusi (Novgorod, 2000 g.) // Vestnik RGNF. 2001. № 1. S. 153–164 (in Russian).

5. Khoroshev A.S., Rybina E.A., Gaydukov P.G., Sorokin A.N. Novye arkheologicheskie issledovaniya Lyudina kontsa v Novgorode (1995–1998 gg.) // Vestnik RGNF. 1999. № 3. S. 121–132 (in Russian).
6. Yanin V.L., Rybina E.A., Pokrovskaya L.V., Sorokin A.N., Stepanov A.M., Singkh V.K. Arkheologicheskie issledovaniya Lyudina kontsa v Novgorode v 2001–2010 gg. // Vestnik RGNF. 2010. № 4. S. 115–128 (in Russian).
7. Yanin V.L., Rybina E.A., Pokrovskaya L.V., Singkh V.K., Stepanov A.M. Tyanina E.A. Raboty v Lyudinom kontse Velikogo Novgoroda v 2014 g. (Troitskie raskopy: XIII-G, G1 i XV) // Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya. Vyp. 29. Velikiy Novgorod: Novgorodskiy muzey-zapovednik, 2015. S. 51–65 (in Russian).
8. Rybina E.A., Khvoshchinskaya N.V. Eshchyo raz o skandinavskikh nakhodkakh iz raskopok Novgoroda // Dialog kul'tur i narodov srednevekovoy Evropy: K 60-letiyu so dnya rozhdeniya E.N. Nosova. SPb.: Dmitriy Bulanin, 2010. S. 66–78 (in Russian).
9. Mikheev S.M., Singkh V.K. Glagolicheskie i kirillicheskie bukvy na kosti vtoroy poloviny XI v. iz Novgoroda // Rossiyskaya arkheologiya. 2016. № 1. S. 99–105 (in Russian).
10. Kainov S.Yu., Singkh V.K. Derevyannyy chekhol topora s Troitskogo raskopa // Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya. Vyp. 30. Velikiy Novgorod: Novgorodskiy muzey-zapovednik, 2016. S. 196–203 (in Russian).
11. Yanin V.L., Zaliznyak A.A., Gippius A.A. Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 2001–2014 gg.). T. XII. M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2015 (in Russian).
12. Yanin V.L., Rybina E.A., Pokrovskaya L.V., Singkh V.K., Stepanov A.M. Tyanina E.A. Raboty v Lyudinom kontse Velikogo Novgoroda v 2017 g. // Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya. Vyp. 32. Velikiy Novgorod: Novgorodskiy muzey-zapovednik, 2019. S. 17–27 (in Russian).
13. Yanin V.L., Zaliznyak A.A. Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1977–1983 gg.). M.: Nauka, 1986 (in Russian).
14. Gippius A.A., Zaliznyak A.A., Toropova E.V. Berestyanye gramoty iz raskopok 2016 g. v Velikom Novgorode i Staroy Russe // Voprosy yazykoznaniya. 2017. № 4. S. 7–24 (in Russian).
15. Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov. M.; L.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1950.
16. Rybina E.A. O pechatyakh Fyodora Oksent'eva // Rossiyskaya arkheologiya. 2018. № 4. S. 161–166 (in Russian).
17. Yanin V.L., Gaydukov P.G. Aktovye pechati Drevney Rusi X–XV vv. T. III. M.: Intrada, 1998 (in Russian).
18. Eniosova N.V., Reren T. Plavil'nye sosudy novgorodskikh yuvelirov // Novgorodskie arkheologicheskie chteniya – 3: Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii «Arkheologiya srednevekovogo goroda. K 75-letiyu arkheologicheskogo izucheniya Novgoroda». Velikiy Novgorod: Novgorodskiy muzey-zapovednik, 2011. S. 243–254 (in Russian).